

УДК 801.73

**КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА
КАК СПОСОБ ДЕШИФРОВКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА
В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

© 2019 г.

С.Г. Павлов, Е.И. Бударagina

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2018

Анализируется текст и вербализованный в нём лингвокультурный код романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Цель статьи – описать исследовательский приём, метафорически названный *кристаллизацией прецедентного текста*. Суть данной методики сводится к опознанию имплицитно представленного в тексте («растворённого») языкового прецедента (пословицы, поговорки, фразеологизма, цитаты и т. п.) и последующей интеграции его в художественную ткань произведения.

Исходной предпосылкой методики является презумпция зашифрованности анализируемого текста. В тексте-шифре автор сознательно нарушает принцип коммуникативной кооперации, скрывая истинное содержание своего послания в глубокий подтекст. В итоге единицы лингвокультурного кода, связывающие язык и культурные реалии, трансформируются до полной неузнаваемости.

Показано, как угадываемый в тексте завуалированный языковой прецедент может стать основой выявления истинной авторской интенции, скрытой за эксплицитными языковыми фактами. Непосредственным предметом и исходной точкой анализа является русская пословица *В огороде бузина, а в Киеве дядька*, которая служит ключевым языковым средством при создании и интерпретации образа М.А. Берлиоза.

Ключевые слова: художественный текст, прецедентный текст, лингвокультурный код, интерпретация.

Результатирующей взаимодействия языка, культуры и менталитета является объективированный в виде национально-специфичной системы языковых знаков лингвокультурный код. Художественный дискурс представляет собой индивидуально-авторский набор национального лингвокультурного кода. Используя его в качестве словесного материала и концептуальной базы произведения, творческое мышление автора создаёт неповторимый поэтический мир, функционирующий по своим законам и в какой-то мере предписывающий их самому языку. Методологически важно подчеркнуть: лингвокультурный код, предстающий в художественном тексте означившим его смыслов, может не иметь ничего общего со своим означиваемым – культурным кодом. С точки зрения степени экспликации возможны две формы репрезентации культурного кода в художественном дискурсе – открытая и скрытая. Перефразируя М. Булгакова, можно сказать: «Да, смысл текста закодирован, но это было бы ещё полбеда. Плохо то, что он иногда имплицитно закодирован».

И формальные, и содержательные элементы лингвокультурного кода в процессе творческого семиозиса трансформируются вплоть до полной потери опознаваемости. «Мастеру и Маргарите», например, понадобилось ждать постсоветского поколения религиозных исследователей,

раскрывших для остальной читательской аудитории, в том числе профессиональной, кощунственную карнавализацию воландовской свитой событий Страстной седмицы и православной литургии [1; 2; 3].

Обращение автора к уникальным элементам лингвокультурного кода, например, к идиоматике, уже в известной степени шифрует содержание текста, делая его фрагментарно закрытым для инокультурного читателя. Однако наличие общего языка и культурного фона у писателя и читателя вовсе не гарантирует адекватной интерпретации, а лишь служит её необходимым условием. Любая апелляция к национальной семиосфере опосредована опытом языковой личности. Автор всегда выстраивает текст посредством индивидуальной, сложно организованной системы образов, созданных в рамках определённой традиции – религиозной, мировоззренческой, философской, литературной – и отражающих уникальную конфигурацию компонентов национального лингвокультурного кода в её художественной реализации. В случае же авторской мистификации читателя текст становится шифром, а элементы лингвокультурного кода, помимо собственного содержания, приобретают роль способа дешифровки скрытых в подтексте смыслов.

История науки знает примеры, когда метафоры становились мощными катализаторами

научных идей. Так, из метафоры *языковая картина мира* берёт начало мейнстрим современной антропоцентрической лингвистики, открывшей новый ракурс наблюдения над языком и породивший массу интереснейших результатов, оценённых и в сопредельных с лингвистикой областях гуманитарного знания – психологии, этнографии, социальной антропологии. При анализе булгаковского текста-шифра представляется плодотворной метафора *кристаллизации прецедентного текста*.

М. Булгаков очень неожиданно использует компоненты лингвокультурного кода, зафиксированные в прецедентных текстах – фразеологизмах, паремиях, крылатых выражениях, цитатах и т. п. Одним из его художественно-стилистических приёмов является информативно значимое растворение прецедентного текста в текстовых и затекстовых реалиях. Исследовательской реакцией на подобную особенность авторского идиостиля является кристаллизация языкового прецедента.

Кристаллизация прецедентного текста – это осознание присутствия и процедура объективации непосредственно отсутствующего или представленного в редуцированном виде языкового прецедента. В фокусе исследовательского внимания растворённый прецедент как бы сгущается, кристаллизуется и, получая виртуальное воплощение в тексте, оказывает на его прочтение определённое влияние, иногда весьма ощутимое.

Кристаллизация прецедентного текста не является универсальной исследовательской методикой. Она релевантна для интерпретации текстов, в которых автор сознательно нарушает принцип коммуникативной кооперации, не открывая, а скрывая истинное содержание. Именно в таких текстах, кодирующих два параллельных и, как это нередко бывает у М. Булгакова, противоречащих друг другу мировоззренческих посыла, растворение прецедента предстаёт смыслоупреждающим и сюжетообразующим фактором.

Применение методики кристаллизации прецедентного текста даёт исследователю более чуткую оптику, заставляя искать смыслы там, где невооружённый взгляд видит лишь «упаковочный материал». Интерпретационная эффективность данного инструментария позволяет снять покровы мистификации с текста и выявить подлинную авторскую интенцию, скрытую за прямыми высказываниями.

Декодирование лингвокультурного кода не есть механическое считывание заложенных автором смыслов. Оно одновременно и бесстрастная аналитика исследователя, и заинтересованное сотворчество читателя. Как и любое творчество, интерпретация уязвима с позиций доказательности. Стоит отметить, что это традицион-

но слабое место анализа художественного текста. Сопоставимость степени исследовательской компетенции и единство филологического инструментария учёных тем не менее на выходе обнаруживают категорически конфликтующие между собой интерпретации.

Человек всегда остаётся заложником своего мировоззрения и опыта – читательского, социального, бытового, религиозного. Он воссоздаёт смыслы анализируемого текста и вместе с тем создаёт новый текст – конструкт своего сознания. Диапазон адекватных интерпретаций бывает очень широк, но он не беспределен. Анализ призван провести границу между тем, что научное сообщество готово принять за попытку интерпретации, и откровенным субъективизмом исследовательского воображения. Не считая предложенную интерпретацию гарантированно верной, мы лишь предлагаем возможность доконструктивистского прочтения в духе Ж. Деррида, однако с существенной оговоркой. В нашей трактовке деконструкции выводимый филологическим анализом смысл нельзя полагать абсолютно автономным по отношению к авторскому замыслу. Автору *можно* приписать нашу интерпретацию, потому что нам известно его мировоззрение и писательская манера. И наоборот, мы не можем разделить академические представления о «справедливом» Воланде, «романтическом» мастере и «светлой королеве» Марго именно потому, что, во-первых, текст не даёт этому достаточного основания, а во-вторых, идея благодетельного патронажа сатаны противоречит христианским убеждениям М. Булгакова. (Альтернативное прочтение см.: [4; 5; 6]).

Киевский дядя Берлиоза Максимилиан Андреевич Поплавский вызывает в памяти пословицу *В огороде бузина, а в Киеве дядька* со значением ‘полная бессмыслица, нелогичность, несообразность чьей-либо речи, рассуждений’. Суть кристаллизации, однако, не в обнаружении имплицитного прецедента, а в его текстуально оправданной интеграции в художественную ткань произведения. Сам факт обнаружения скрытой пословицы ещё ни о чём не говорит. Это может оказаться случайностью. Выявляя остроумие и наблюдательность читателя, предполагаемый прецедент нуждается в поддержке аналитики профессионала. Итак, каким же образом пословица *В огороде бузина, а в Киеве дядька* связана с булгаковским героем? Ответ потребует предваряющего комментария к советским реалиям 1920–1930 гг.

Рациональная библейская критика XVII–XIX вв. породила две точки зрения на евангельские повествования о Христе. Одни критики

признавали историчность человека Иисуса. Другие, принадлежавшие к так называемой мифологической школе, считали Иисуса Христа плодом пылкой восточной фантазии и возводили христианство к древним солярным культам. В довоенном СССР возобладал мифологизм. В 1925 г. состоялся Первый съезд воинствующих безбожников, участники которого во главе с Е.М. Ярославским призвали отказаться от позиции историзма, квалифицируя её как «уступку классовому врагу». После II Всесоюзного съезда безбожников (1929 г.) мифологизм становится официальной точкой зрения советской исторической науки.

Придерживающийся позиции мифологической школы Берлиоз *очень умело указывал в своей речи на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса* [7]¹. Обратим внимание на скрытую иронию М. Булгакова – *очень умело указывал*. Фраза оставляет ощущение какого-то технологического эпигонства и механической вышколенности Берлиоза, по трафарету воспроизводящего чужие, конъюнктурные мысли. К тому же *начитанный* редактор допускает в своих рассуждениях ряд неточностей и откровенных ошибок.

Филон Александрийский не историк, а религиозный философ. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» дважды говорит об Иисусе (вынесем за скобки вопрос о подлинности этих фрагментов). Тацит в «Анналах», вопреки утверждению Берлиоза, не упоминает личного имени *Иисус*, употребляя слово *Христос*: «...Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат» [8].

Непорочные зачатия в восточных религиях принципиально отличаются от идеи приснодевства Девы Марии, рождающей не одного из богов языческого пантеона, а Творца вселенной, и не на фоне причудливых декораций мифологической фантазии, а в реальных условиях Палестины I в. Даже если закрыть глаза на колоссальную разницу христианства и утративших актуальность ближневосточных культов, приходится признать, что выдача неблизкого типологического сходства за генетическое или за модифицированное культурное заимствование, безусловно, некорректна.

Пример Вицлипуцци тоже выглядит большой натяжкой. Бог ацтеков Вицлипуцци (Уицилопочтли) зачат богом Мишкоатлем, изобра-

жавшимся мужчиной в чёрной маске на глазах, который явился матери Вицлипуцци, богине Коатликуэ, в форме шара из перьев колибри (в другой версии это был просто комок перьев).

Насмешка Шиллера и Штрауса² над «шестым доказательством» И. Канта выглядит нелепо в силу несопоставимости масштабов критиков и философа. С таким же успехом можно апеллировать к критике Пушкина поэтом Рюхиным: *...Стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие*.

В первой полной рукописной редакции романа «Великий канцлер» (1932) неосновательность Берлиоза была выражена ещё отчётливее: *Следует признать, что редактор был образован. В речи его, как пузыри на воде, вскакивали имена не только Штрауса и Ренана, но и историков Филона, Иосифа Флавия, Тацита* [9]. Авторская констатация образованности Берлиоза явно диссонирует с образом пузырей на воде, ассоциативно актуализирующих в памяти и фразеологизм *мыльный пузырь*. Это эстетический сигнал М. Булгакова: подлинный смысл глубже эксплицитной фактуальной информации. Пузыри на воде и виртуальный *мыльный пузырь*, очевидно, призваны указать на эфемерность рассуждений Берлиоза и одновременно понудить читателя поискать его ошибки. Грубейшая из них – включение в список богов Будды: *Нет ни одной восточной религии, в которой бог не родился бы от непорочной девы. Разве Изиды не родила Горуса? А Будда в Индии? Да, наконец, в Греции Афина-Паллада – Аполлона?* [9].

Возможно, что в «Великом канцлере» дан намёк и на вторую часть пословицы. В «огороде» Берлиоза – во вверенном ему хозяйстве *Всемирника* (Всемирное объединение писателей) – растёт «бузина» – поэт Иван Попов (Бездомный).

В психиатрической клинике Иван говорит Воланду: *Я поэт дрянной, бузовой, – строго отвечивал Иван, обирая с себя невидимую паутину. Бузовой* поэт вдруг начинает снимать с себя абсолютно не мотивированную стерильной чистотой палаты паутину. Паутина не случайная деталь, к которой мы ещё вернёмся.

Слово *буза* как-то слишком настойчиво повторяется в главе. М. Булгаков оформляет слово-мысль Ивана в кавычки: *Вся эта «Буза...», как подумал он*. Написанное с прописной буквы слово *Буза* получает вид имени собственного – прозвища или псевдонима. Далее Иван жалуется профессору Стравинскому: *... Да ещё двое ваших бузотёров спину колют. Сумасшествие и буза дикая!* [9]. Инверсированный порядок слов (*буза дикая*), совершенно неуместный в устах необразованного поэта, представляет собой латинскую синтаксическую кальку, традиционно

применяемую в русском описании представителей флоры и фауны.

За словами Ивана следует авторская ремарка: *При слове «бузотёры» врачи чуть-чуть улыбнулись*. Внешний комизм ситуации в том, что Иван необоснованно приписывает собственное бузотёрство врачам. Однако М. Булгаков улыбается здесь и над семантической трансформацией внутренней формы слова *бузотёры* («трусские *бузового* Ивана, Ивана-Буз(ин)у»), а также горько смеётся совсем над другим. В контексте художественного переосмысления Ивана как бузины странная *невидимая* паутина появляется в больничной палате вполне мотивированно. Дело в том, что паутина на бузине свидетельствует о её болезни – появлении на растении клеща. Иван действительно болен. Но его болезнь не *мания фурибунда* (в окончательном тексте будет *шизофрения*), как диагностируют врачи. Его болезнь невидима: это болезнь духа, этиологию и симптомы которой надо описывать не в медицинских, а в философских терминах.

В свете сюжета романа небезынтересно, что фольклорные представления связывают бузину с нечистой силой. В частности, по украинским поверьям, бузину посадил и живёт под ней чёрт [10]. Очень многозначительно выглядит и номер дома Берлиоза – 302-бис. Слово *бис* по-украински означает ‘бес, чёрт’. В квартире редактора, у которого есть киевский дядя, бис Воланд справляет свой ежегодный бал.

По одной из легенд, Иуда повесился именно на бузине [10]. (Некоторые виды бузины являются деревьями, достигающими 10-метровой высоты). Мотив предательства и образ бузины дополнительно связываются днём встречи на Патриарших (среда – день предательства Иудой Христа). Итак, заражённый воинствующим атеизмом Иван предаёт Христа, собираясь писать антирелигиозную поэму. Характерно, что он проявляет интерес к Воланду и Пилату, а не к Иешуа – нелепому и карикатурному, но всё-таки живому изображению Иисуса Христа.

Сделаем небольшое отступление. 5 января 1925 г. М. Булгаков записывает в дневнике впечатление от посещения редакции «Безбожника» и от самого журнала: «... Когда я бегло проглядел дома вечером номера «Безбожника», был потрясен... Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены» [11]. Будучи верующим, но не разделяя церковных представлений о Христе, М. Булгаков искренне скорбел, что в СССР Иисус убивается как идея, как основание всей русской культуры. Не случайно, что в самой ранней ре-

дакции романа («Копыто инженера», 1928–1929) Берлиоз был редактором журнала «Богоборец», а Иван после рассказа Воланда не нашёл ничего лучшего, чем спросить об участии Иуды. Таким образом, реконструируется картина берлиозовского «огорода», где насаждён вредный, как ядовитая бузина, атеизм, и политически ангажированные писатели обслуживают безбожный режим сатаны.

Своеобразной разновидностью кристаллизации прецедента является приём дефразеологизации – буквального прочтения фразеологизма. Описание «лекции» на Патриарших содержит довольно заметный языковой изъян: *Михаил Александрович забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек* [7]. Опытный литератор вряд ли допустит такой стилистический просчёт – *свернуть шею в дебрях*. С точки зрения русского языка в дебрях уместнее *заблудиться* или *потеряться*. В «Великом канцлере» был более приемлемый вариант: *Меж тем товарищ Берлиоз погрузился в такие дебри, в которые может отправиться, не рискуя в них застрять, только очень начитанный человек* [9]. Нетрудно понять, почему правка оказалась стилистически хуже первоначального текста. Фразеологизмом *свернуть себе шею* М. Булгаков указывает ближайшую перспективу Берлиоза и одновременно свою мировоззренческую позицию. Ведь столь беспощадного юмора может удостоиться лишь авторский оппонент.

В эпизоде появления Берлиоза в виде головы Воланд, вопреки очевидности краха «теории» редактора-атеиста, всё-таки издевательски утверждает, что она *и солидна и остроумна. Всё сбылось, не правда ли? – продолжал Воланд, глядя в глаза головы...* [7]. Сцена кристаллизует сразу два фразеологизма с жуткими, ситуативно обусловленными смыслами – *говорить правду в лицо (в глаза) и голова садовая*.

В узуальном употреблении фразеологизма *говорить правду в лицо* выражаются партитивные отношения, при которых лицо выступает представителем всего человека. Чёрный юмор «правдивой» речи Воланда в том, что синекдоха онтологизируется. Неотчуждаемый человеческий атрибут (голова) получает автономное существование, и лицо становится адресатом уже не метонимически, а буквально. Другой вариант этого фразеологизма – *говорить правду в глаза* – показывает ситуацию аналогично, но в уменьшенном масштабе: адресатом речи становятся глаза как часть головы Берлиоза.

Разговор, напомним, происходит в квартире покойного, жившего на Садовой улице, что вызы-

вает в памяти фразеологизм *голова садовая*, совмещающий в данной коммуникативной ситуации два значения – узуальное ‘растяпа, дурак’ и окказиональное ‘голова (с) улицы Садовой’.

О начитанности главы МАССОЛИТа, оказавшегося на поверку не *головой* (‘умным человеком’), а *садовой головой*, нелестно отзывается мастер, дезавуирующий эксплицитную позицию *правдивого повествователя*, аттестующего Берлиоза как *очень образованного человека*.

Мастер, будучи профессиональным историком, полиглотом и эрудитом, невысокого мнения об уровне образованности Берлиоза: *тот, сколько я о нём слышал, всё-таки хоть что-то читал!* [7]. Выражение *хоть что-то читал* социально маркировано и указывает на образовательный статус говорящего. В норме её может произнести лишь действительно образованный человек, считающий, что круг чтения референта узок, а само оно недостаточно систематично. Если ассертивная часть данного высказывания просто утверждает факт чтения, то имплицитивная семантически значительно более насыщена. В имплицитивной содержится примерно следующая установка носителей книжной русской культуры: начитанность и образованность желательны, но не обязательны; их отсутствие у человека позволяет отзываться о нём в одобрительно-снижительно-снисходительном тоне.

Трагической фигурой Берлиоза, травестированной в искромётной семантической и художественно-образной феерии, М. Булгаков развенчивает духовную нищету и трагедию советских образованцев-атеистов, у которых *чего ни хватишься, ничего нет*. Итак, Берлиоз не более чем рядовой начётчик. У него действительно *в огороде бузина, а в Киеве дядька*. Поданная дяде в Киев от лица покойного редактора абсурдная телеграмма служит весьма репрезентативной иллюстрацией пословицы: *Меня только что зарезало трамваем на Патриарших*.

Таким образом, кристаллизация пословицы *В огороде бузина, а в Киеве дядька* высвечивает большей частью скрыто представленный в романе христианский лингвокультурный код (в его булгаковской версии), элементы которого, едва намеченные в романе на эксплицитно-фактуальном уровне (имя *Иисус Христос*, апостол Матфей, крестное знамение нескольких персонажей), на отражающем авторскую позицию имплицитно-концептуальном уровне являются фоном, определяющим логику создания и основу понимания романа.

Путём растворения языкового прецедента, наряду с другими средствами, М. Булгаков кодирует в тексте два сообщения с противополо-

жным аксиологическим содержанием. *Правдивый повествователь*, от лица которого написаны «московские главы», говорит об образованности Берлиоза в комплиментарном тоне. Мастер отзывается о ней со снисходительностью интеллектуала. Сам же М. Булгаков ядовито высмеивает председателя МАССОЛИТа и дискредитирует мифологическую школу.

С одной стороны, исследование показывает, что текст М. Булгакова ориентирован на читателя со стандартной языковой компетенцией, включающей самое общее знакомство с русским лингвокультурным кодом. Однако, с другой стороны, этот среднестатистический читатель приглашается к активному сотворчеству, требующему уже гораздо большего, чем знакомство с русской фразеологией и паремиологией. Чтение «Мастера и Маргариты» требует вдумчивой текстуальной работы, умения разглядеть сложность в мнимой простоте и найти простые решения сложных семантических и образных головоломок романа.

Примечания

1. Все цитаты из романа даны курсивом и приводятся по изданию: Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / Предисл. В.И. Сахарова. Минск: Юнацтва, 1988. 670 с. Это последняя прижизненная редакция романа. Электронная версия: <http://masterimargo.ru/book-1.html>

2. Имеется в виду Д.Ф. Штраус – немецкий философ, историк и теолог, отрицавший божественность Иисуса Христа.

Список литературы

1. Дунаев М.М. Вера в горниле Сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 1056 с.

2. Гаврюшин Н.К. Литостротон, или Мастер без Маргариты [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 1991. Август. С. 75–88. Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-271069.html> (дата обращения: 3.05.2017).

3. Кураев Андрей, диак. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/kuraev_andrey/master_i_margarita_zh_hrista_ili_protiv/read_1/ (дата обращения: 1.05.2017).

4. Павлов С.Г. Дешифровка языковой игры как способ христианского прочтения романа «Мастер и Маргарита» // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения патриарха Сергея (Страгородского) 25–26 мая 2017 г. / Отв. ред. С.Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас, 2017. С. 355–364.

5. Павлов С.Г. «Мастер и Маргарита» – Мёртвые души, или Исповедь Михаила Булгакова // Дамаскин. Журнал Нижегородской духовной семинарии. 2017. № 2. С. 66–73.

6. Павлов С.Г. Лингвистическая интерпретация покоя в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тез. докл. Междунар. науч. конф. (14–16 марта 2018 г.). М., 2018. С. 83–85.

7. Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / Предисл. В.И. Сахарова. Минск: Юнацтва, 1988. 670 с.

8. Тацит К. Анналы / Пер. А.С. Бобович [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/tacit_korneliy/annali/read. (дата обращения: 28.04.2017).

9. Булгаков М.А. Великий канцлер / Предисл. и коммент. В. Лосева. М.: Новости, 1992. 544 с.

10. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 01.05.2017).

11. Булгаков М.А. Под пятой. Мой дневник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fanread.ru/book/11860518/?page=8> (дата обращения: 2.05.2017).

CRYSTALLIZATION OF A PRECEDENT TEXT AS A METHOD OF DECODING THE LINGUOCULTURAL CODE IN M.A. BULGAKOV'S NOVEL «MASTER AND MARGARITA»

S.G. Pavlov, E.I. Budaragina

The article addresses individual author's implementation of a language system, considered against the background of national culture. The study aims to provide an analysis of the text of M.A. Bulgakov's novel "Master and Margarita" and of the linguocultural code verbalized in it. The article describes the research method metaphorically named *crystallization of a precedent text*. The essence of the method is to identify the language precedent (proverbs, sayings, phraseology, quotations, etc.) implicitly presented in the text («dissolved» in it) and then to integrate it into the fictional texture of the novel. The initial premise of the method is the presumption of encryption of the analyzed text. In the «coded» text, the author deliberately violates the principle of communicative cooperation, hiding the true content of his message in a deep subtext. As a result, the linguocultural code units connecting language and cultural realities are transformed beyond recognition. The article demonstrates how a veiled language precedent transpiring in a text can become the basis for revealing the author's actual intention hidden behind explicit linguistic facts. The immediate subject and starting point of the analysis is the Russian proverb *V ogorode buzina, a v Kieve dyad'ka* which serves as the key language means for creating and interpreting the image of M.A. Berlioz.

Keywords: fiction text, precedent text, linguocultural code, interpretation.

References

1. Dunaev M.M. Vera v gornile Somnenij. Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vv. M.: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2002. 1056 s.

2. Gavryushin N.K. Litostroton, ili Master bez Margarity [Elektronnyj resurs] // Voprosy literatury. 1991. Avgust. S. 75–88. Rezhim dostupa: <http://lib.znate.ru/docs/index-271069.html> (data obrashcheniya: 3.05.2017).

3. Kuraev Andrej, diak. «Master i Margarita»: Za Hrista ili protiv? [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/kuraev_andrey/master_i_margarita_za_hrista_ili_protiv/read_1/ (data obrashcheniya: 1.05.2017).

4. Pavlov S.G. Deshifrovka yazykovoj igry kak sposob hristianskogo prochteniya romana «Master i Margarita» // Patriarh Sergij i cerkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v XX veke: trudnyj put' k sotrudnichestvu: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 150-letiyu so dnya rozhdeniya patriarha Sergiya (Stragorodskogo) 25–26 maya 2017 g. / Otv. red. S.N. Pyatkin; Arzamasskij filial NNGU. Arzamas, 2017. S. 355–364.

5. Pavlov S.G. «Master i Margarita» – Myortvye du-

shi, ili Ispoved' Mihaila Bulgakova // Damskin. Zhurnal Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii. 2017. № 2. S. 66–73.

6. Pavlov S.G. Lingvisticheskaya interpretaciya pokoya v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» // Vtorye Grigor'evskie chteniya. Neologiya kak problema lingvisticheskoy poehtiki: Tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (14–16 marta 2018 g.). M., 2018. S. 83–85.

7. Bulgakov M.A. Belaya gvardiya; Master i Margarita: Romany / Predisl. V.I. Saharova. Minsk: Yunacva, 1988. 670 s.

8. Tacit K. Annaly / Per. A.S. Bobovich [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/tacit_korneliy/annali/read. (data obrashcheniya: 28.04.2017).

9. Bulgakov M.A. Velikij kancler / Predisl. i koment. V. Loseva. M.: Novosti, 1992. 544 s.

10. Ehnciklopediya simboliki i geral'diki [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (data obrashcheniya: 01.05.2017).

11. Bulgakov M.A. Pod pyatoj. Moj dnevnik [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.fanread.ru/book/11860518/?page=8> (data obrashcheniya: 2.05.2017).